

татьяна лунная

2027, или

11-й сон татьяны владимировны

16+

Татьяна Лунная
2027, или 11-й сон
Татьяны Владимировны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67989093

SelfPub; 2022

Аннотация

Не шутите с детьми и высыпайтесь. Главная героиня нарушила правила приличия и была подвергнута допросу со стороны представителей власти. Но не все так, как на самом деле, и могло быть совсем наоборот.

Татьяна Лунная

2027, или 11-й сон

Татьяны Владимировны

Проснулась с тяжелой головой, как будто, варили картошку в тесной мансарде, без намека на открытую форточку. Вода вся выкипела, окна вспотели. Тяжелые влажные пары окутали внутренности черепной коробки и мешали ясно мыслить. Откуда-то из ниоткуда пришла мысль «а не поехать ли на автобусе». Почему бы нет? Поехать! Сажусь в автобус, еду. Как в своих снах, села в один автобус, а еду в другом. Маршрут меняется на противоположный по ходу движения. Чтобы ненароком не заблудиться, решаю, выйти из автобуса и поехать в обратном направлении. Логично же, если хочется вернуться в изначальную точку, то будь добра, просто вернись. Но автобусы с тем же номером обратно не ходили. Я вспомнила, что до дома можно добраться на электричке. Что ж. Поеду на вокзал.

Стою посередине площади и не узнаю окрестности. Где же я?

– Где я? – спрашиваю у прохожей женщины с детьми и обвожу рукой площадь.

– Вы на площади, – крепко сжимая руку семилетней девочки, отвечает женщина, мальчик лет четырех тут же пина-

ет камешки.

– Не подскажите, как пройти на вокзал? – где-то вдалеке вырисовывается вокзальный шпиль. Что-то внутри дрогнуло, как будто, я знаю это место, но не узнаю.

– Спуститесь по лестнице вниз, обойдете стену слева, – не выпуская детской руки, женщина делает пару шагов вперед и кивает в сторону, где начинается лестница.

Я замечаю, что на телефоне слетели дата и время.

– А не подскажите, который час?

– Без четверти семь.

– А день?

– Пятое марта.

И в эту секунду меня дернул черт, не иначе. Пощекотал мои слабые внутренности своей волосатой ручонкой, от чего кишочкам стало приятно. Не сумев побороть искушения, я на голубом глазу спрашиваю:

– А какого года? Двадцать седьмого? – и улыбаюсь.

«Ха, а женщине, похоже, не до смеха, даже мальчик перестал пинать камешки и уставился на мать в ожидании реакции». Мать, замерев, смотрела на меня с испугом как на ненормальную, зато девочка оказалась проворной. Выдернув руку и разом освободившись от материнской опеки, она резво побежала к рядом стоявшей полицейской женщине, дернула за рукав. Та наклонилась, девочка стала что-то быстро шептать в уши под козырьком и тыкать в мою сторону пальцем.

Картофельный дух еще не выветрился из моей головы-мансарды, я была как в тумане и поэтому соображала туго. «Где мой паспорт? Черт, в другой сумке? Как объясняться?» Я все еще надеялась, что моя персона не заинтересует женщину в форме, но нет. Двинувшись в моем направлении, она приняла решение, явно не в мою пользу. Взяв под козырек, женщина – правоохранительный орган представилась «Тамарой». Тут должна быть шутка про «мы с Тамарой». Но нет, мне не хотелось никакого «мы». Захотелось «я» и «я иду домой».

– Тут на вас поступила жалоба. Мутите порядок, задаете сомнительные вопросы, ваши документы.

– Понимаете, – я стала осторожно подбирать слова, – дело в том, что у меня две сумки. А паспорт один. Каждый вечер я только и делаю, что перекладываю паспорт из одной сумки в другую. Не могу же я носить одну и ту же сумку два дня подряд, вы согласны?

– Паспорт.

– Я и говорю, – для убедительности я открыла сумку и показала что в сумке – какие-то желтые листки в линейку, зря я показала, хотела для убедительности, а полицейская женщина стала еще подозрительней. Я продолжала, – и, выходя сегодня из дома, я взяла не ту сумку, четную. А день нечетный. Понимаете? Паспорт остался в другой сумке. Хотите я покажу вам другие документы? Водительские права, например. Ой, и прав нет. Давайте покажу пропуск. Большого те-

атра, между прочим.

– Пропуск в театр не доказывает.

– Чего не доказывает?

– Не доказывает, что вы не иностранный агент.

Мне стало смешно, какой же я иностранный агент.

– Какой же я иностранный агент, – говорю вслух, – я русская.

– Это мы сейчас проверим! – глаза полицейской женщины азартно зажглись. Мимо ходящие остановились и быстро взяли нас в кольцо, я почувствовала себя героиней «Поле чудес» и «Вопрос за 300» одновременно. Бдительная девочка стала еще бдительней, растопырив и без того растопыренные ушки, принялась внимательно слушать и мотать на ус.

– Итак, первый вопрос! Расскажите нам, что такое “квизилуктунианские кубы”?

– Господи, чего?! – от такого вопросы картофельные пары из головы-мансарды улетучились мгновенно. «Мамой клянусь, я никогда не слышала этого выражения».

Так, вижу, что не знаете, – осудительно и как-то злорадно мстительно вожделенно произносит слова стража порядка и делает вид, что постукивает воображаемым жезлом власти об ладонь. – Как же вы можете не знать главную достопримечательность столицы? Блестящие кубы будущего, установленные в фонтане «дружба». Не порядок. Стыдно.

Секундная пауза давления взглядом из-под козырька в педагогических целях.

– Продолжаем. Следующий вопрос. Кто такая Мария Штавиц?

«Господи, я же действительно живу с ними давно в этом городе, кто все эти люди? Кто такая эта Мария?!» – судя по тому, как резко возросло количество осуждения в толпе мимопроходящих, ползти мне сегодня домой распятой и пристыженной.

– Страаанно, – полицейская женщина делает вид, что задумалась, – как можно не знать такого крупного деятеля... Хорошо, дам вам последний шанс! Назовите самые лучшие в России сыры и где их производят?

«Аллилуйя!» Представляю, как засияло мое лицо! Распятая надежда расправила крылья. Только на днях читала об этом. Тссс, в запрещенной сети. С лицом триумфатора-победителя спешу ответить:

– На Истре! Их делают на Истре, а делает их Иван Сирота! – я довольна собой, вот, что значит я, я везунчик, красавчик и все в одном флаконе, выкрутилась. Но полицейская женщина, похоже, так не думает. Она хмурит лоб под козырьком и задает следующий убийственный вопрос:

– Кто это?

«Мы, кажется, действительно обитаем с ней в разных параллельных информационных вакуумах, которые никак не пересекаются. Неудивительно, что я для нее и инопланетянка, и иностранный агент».

– Ну как же, Сирота, вы не знаете? Он единственный из российских сыров во Франции получил две бронзовых медалей! – я с надеждой смотрю на толпу мимоходящих и ищу в их растерянных взглядах поддержку. Но они, молча, кивают головами «нет, никакой сироты мы не знаем» и пожимают плечами. Как же далеки мои познания с народом. Я замечаю, как полицейская женщина потянулась к наручникам. «Черт, провалила экзамен, не доказала, читала лабуду всякую, а не то, что надо, прощай, свободоода!»

– Звонок! – внезапно меня осеняет, – звонок, звонок другу! У меня есть звонок другу!

Рука полицейской женщины замирает на половине пути к наручникам на поясе. Толпа разочарованно выдыхает.

– Порядок, есть порядок, – объясняет разочарованной толпе про порядок женщина – правоохранительный орган, – пишите номер телефона. И протягивает мне листок бумаги.

Я торопливо пишу.

– А теперь звоните. А когда дозвонитесь, – на этой фразе в руке полицейской женщины реально оказывается черно-белый жезл власти, которым она стучит по ладони, – а когда дозвонитесь, то скажите вашей подруге, что сесть у нас стоит четыре тысячи рублей, а выйти – шесть.

И дает мне властью по макушке-мансарде, выпуская весь картофельный пар наружу.